

Е. Н. Шульга

Когнитивная герменевтика: знание и понимание

Когнитивная герменевтика — это новое направление философии XX в. Она объединяет в себе проблематику классической герменевтики, в центре внимания которой методы интерпретации, а также исследует когнитивные способности человека, связанные с проявлением феномена понимания. На историко-философском материале и в контексте становления когнитивной герменевтики в статье прослеживается связь между знанием, познанием, объяснением и пониманием. Показано, как знание постепенно приобретает философский смысл и категориальную определенность, эволюционируя от преднаучного и натурфилософского объяснения мира к пониманию природы и специфики самого знания. Рассматривается взаимоотношение эпистемологии и герменевтики, определяются границы когнитивной герменевтики и намечаются ее эпистемологические перспективы. Предлагается классификация типов понимания, дается краткая характеристика их роли в познании.

Ключевые слова: герменевтика; знание; понимание; познание; интерпретация.

Современные философы науки различают знание философское, научное и обыденное, которое включает в себя элементы житейской мудрости и опирается на исторически сложившуюся национальную традицию и культуру. Так, одним из признаков знания, которому за денежное вознаграждение обучали софисты, была их *подготовленность к ремеслу*, т. е. их профессионализм. Однако знание софистов, как об этом пишет Платон в диалоге «Менон», — это всего лишь то, чем должен владеть всякий достойный человек [2, с. 604]. Вместе с тем есть род знания, которым человек обладает от природы, и он способен демонстрировать его без специального обучения (например, у софистов), но благодаря подражанию своим доблестным афинским предкам. Замечу, что подражание предкам это и есть следование традиции, в том числе в вопросах воспитания, когда знание передается из уст в уста.

По мере углубления познания, связанного с поиском сущности вещей и первоосновы всего существующего, формируется тип знания, основанный

на наблюдении. Такое знание постепенно приобретает философский смысл и категориальную определенность, эволюционируя от преднаучного, натур-философского объяснения мира к пониманию природы самого знания, получаемого в процессе освоения действительности. Как человек может что-то знать? Откуда знание у человека? Задаваясь этими вопросами, философы долгое время оставались в русле натурфилософского миропонимания, полагая, что способы изучения природы пригодны и для понимания всего, что создано трудами и усилиями человека.

Так, Гераклит, используя эмпирический метод наблюдения, подмечает, что природа любит скрываться от нас, но знание возможно, если правильно подходить к ее изучению. Согласно Гераклиту, правильно изучать природу означает не только полагаться на эмпирические наблюдения, но и проверять их рассудком и разумом. Последнее — это то, что объединяет всех людей, обеспечивая доступность всякого знания. «Этот-то общий и божественный Разум и есть критерий истины, следовательно, то, что представляется нам обща, — достоверно, ибо воспринимается общим и божественным Разумом, а то, что выпадает кому-то одному, недостоверно в силу противоположной причины» [1, с. 127]. Этот подход обнаруживает себя и в том, как сам философ понимает природу и мировой порядок, или универсум. Постичь природу универсума означает сравнить ее с чем-то реальным, очевидным для человеческого разума, и такой очевидностью для Гераклита становится огонь, который обладает материальными свойствами, но сам по себе как сущность не является сотворенным, т. е. тем же самым огнем, который горит в светильнике. Следовательно, универсум, отождествляемый с огнем, не имеет начала во времени и никакого происхождения — он вечен, как и сам мир. Конечно, такие представления не являются тем знанием, которое дано человеку от природы, — *знание от природы* хотя и признается врожденным, тем не менее требует специального обучения.

Обучение знанию в порядке *подготовленности к ремеслу*, как это было у софистов, сводилось к искусству речи. Практика освоения риторических приемов и умение использовать эффектные риторические обороты для лучшей убедительности помогали воздействовать на аудиторию и добиваться желаемого в суде или собрании. Искусство риторики, овладение техникой аргументации было популярным в эпоху, когда умение вести диалог и быть убедительным в своих суждениях занимало фактически первое место по сравнению с необходимостью переводить и истолковывать письменные источники и тексты. Приоритетное значение устного слова формировало особое отношение к интерпретации знания, которым изначально владел говорящий и которое стояло за устным словом.

Конечно, риторика не исчерпывается знанием правил и технических приемов речи — красноречие неотделимо от знания, которое усвоил говорящий, используя его для непосредственного воздействия на слушателей. В свою очередь, задача герменевтики состоит в том, чтобы найти такие подходы,

которые делают понятным все то, что подлежит объяснению. Поэтому герменевтика рассматривается как искусство понимания и интерпретации. Ее предметом является смысл, а также нахождение правил освоения смысла, содержащегося в тексте — высказанном или написанном [5, с. 60]. Как можно выяснить скрытый смысл того, на что направлен пылливый человеческий ум? Каковы познавательные возможности человеческого разума?

Мыслители прошлого связывали происхождение знаний и всего существующего с единственной сущностью, которую они называли ум. Именно ум (*нус*), как утверждал Анаксагор, «обладает совершенным знанием обо всем и имеет величайшую силу...», «знает абсолютно все» [4, с. 68]. Такое понимание организации мира наряду с пониманием смысла слов, скрытых помыслов и действий человека, было предписано его разуму, или уму. Последний понимается и как тончайшая, почти неуловимая субстанция, и как способность человека проникать в сущность вещей. Ум характеризуется как изначально данная ему способность мыслить и познавать, чувствовать и представлять — все это вместе имеет единственное основание и объяснение: всюду правит ум!

Анаксагору, как и другим мыслителям, присуще стремление объяснять все многообразие мира посредством какого-то единственного понятия (*нус*, *эйдос*, *логос*), придания ему множественности смысла путем согласования полученных знаний и высказываемых суждений о предмете с этим конкретным понятием. Выяснением смысла таких понятий, исходя из контекста конкретных положений учения, занималась герменевтика.

Например, понятие *логос* интерпретируется по-разному: мировой огонь, слово, речь, высказывание, основание, мера всего. Утверждается, что логос правит людьми и у каждого свой логос. Так, логос конкретного человека — это и пропорции его тела, и размеренность в движениях и речах, и моральная разумность. Именно логос предписывает человеку определенное поведение («Кто намерен говорить, излагать свой логос с умом, — говорит Стобей, — те должны опираться на общее для всех, как граждане полиса — на закон, и даже гораздо крепче» [4, с. 30]). В концепциях о сотворенном мире логос присутствует как некая оживляющая этот мир сила. Например, в доктрине Плотина логос приобретает онтологическую определенность всеобщего смысла бытия. У него логос есть способ существования онтологических противоположных сущностей: ум — это логос единого, а душа — логос ума. В целом для эллинистической философии логос — это понятие, приближающее наше понимание смысла всего сущего через множество разнообразных форм воплощения абсолюта в реальном мире. В дальнейшем христианство будет использовать понятие «логос», интерпретируя его как слово. Поэтому учение о логосе (слове) гласит: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Но не только богословие, но и христианская философия обращалась к учению о логосе, стремясь согласовать и примирить истины умозрения и истины Откровения, истины разума и истины веры.

Греческая мысль не создавала бесконечно разнообразного лексикона понятий, но придавала ограниченному их числу множественный глубинный смысл, интерпретируя в соответствии с тем знанием, которое эти понятия должны были передавать. Герменевтика стала разрабатывать принципы истолкования, которые помогали выявить смысл используемых понятий путем трактования текста и объяснения смысла доктрины в целом. Объяснение опиралось на наблюдение, эмпирический опыт наблюдения подвергался обобщению и систематизировался. При этом учитывался эффект преемственности знания как основа для получения нового знания. Так формировалась общая для всех областей знания методология научного исследования.

Обращаясь к человеку с позиции «познай самого себя», философы выделяют круг вопросов, касающихся познавательных средств для наилучшего объяснения сути истинного знания. Так, Сократ был уверен, что истина открывается благодаря усилию припоминания. *Знание как припоминание* должно быть дополнено знанием, полученным в процессе рассуждений, благодаря способности ума воспроизводить общие схемы научения — а это как раз и является умением обобщать информацию, полученную из чувственного опыта. По Платону, важным условием познания наряду с припоминанием является способность «примыслить нечто иное, принадлежащее к иному знанию» [3, с. 73] Оставался открытым вопрос: имеют ли истины эмпирическую составляющую или истина абсолютно свободна от чувственного опыта?

Платон относит к припоминанию то, что душа видела «здесь», но забыла [2, с. 8], и говорит о припоминании, поднимаясь над обыденным смыслом этого слова. Платон придает ему новый смысл, усматривая в содержании припоминаемого внеэмпирические (умопостигаемые) истины на том основании, что припоминание как раз и есть осознание истин, независимых от опыта. Философ доказывает, что понимание происходит на уровне идей, они принадлежат человеческой природе и могут быть извлечены из ее глубин. Идеи лежат и в основании взаимопонимания людей с их способностью схватывать смысл понимаемого и выражать его в языке в виде общих представлений о предмете. В более поздних диалогах, в частности в «Федре», Платон уже не соотносит припоминание с познанием, но характеризует его как знание восстановленное, обретенное при созерцании умопостигаемых сущностей, или идей. В целом знание как припоминание указывало на то, что это знание врожденное и оно может быть постигнуто.

Тема врожденного знания еще долго сохраняет актуальность как возможность объяснить необъяснимое в человеке, связанное с его когнитивными способностями. Так, в концепциях Декарта и Лейбница врожденное знание — это знание, которое превосходит обыденный смысл того, что человек уже знает, но что возрастает в его понимании в силу внутренних усилий и ресурсов самого человека, прежде всего через учебу и упражнения. Интересна и позиция Канта, который обосновал концепцию априорных понятий и знания в целом: у него априорные понятия (понятия чистого рассудка) не являются

врожденными, но приобретаются в результате рефлексии над законами мышления — именно законы мышления рассматриваются как врожденные. В современных концепциях врожденность получает новую интерпретацию: о ней говорят в связи с талантом, успешностью и обучаемостью.

Возвращаясь к Платону, напомним, что философ не дает определения знанию. Под ним он понимает то, что противоположно мнению, но обладает статусом реальности, создавая образ, соотносимый с реальностью, поэтому такое знание истинное. Напротив, мнение может быть представлено в виде случайного высказывания, поверхностного суждения или заблуждения. Платон настаивал на том, что все чувственные вещи только кажутся реалистичными, поэтому суждение о них — это только мнение, а не истинное знание; только идеи выражают все, что реально и доступно познанию. Таким образом, определение понятия исходя из его противопоставления чему-то конкретному (как в случае противопоставления знания мнению) характерно для эпохи, когда философия только формировала свой лексикон, организуя знание на основе осмысления множественных контекстов познавательного опыта.

Минимизация понятийного языка и его категоризация, построенная на противопоставлении, не упрощала объяснение познания, но этот процесс характеризовался двояко: как полученный извне путем образования, а также исходя из внутренних ресурсов человека (ум, мышление, память, врожденное знание, феномен понимания). Согласно античным мыслителям знание было не только связано с совокупностью упорядоченных сведений об объектах, но и предполагало практическое умение: «знать» означало практиковать то, чем овладел человек в результате обучения. Например, Аристотель отождествлял знание и умение (овладение ремеслом, музыкой, диалектикой). Он задавался вопросом о том, какими должны быть условия познания, и полагал, что они должны обеспечивать постижимость (доступность пониманию) всего, на что направлено познание. Помыслить существующее в единичности как некую первичную реальность, «вещь саму по себе» означало также объяснить причины его изменения. Тем самым объяснение предполагалось всюду, где философы задавались вопросами происхождения вещей и предметной направленностью знания.

Обращение к истокам герменевтики позволяет обозначить круг проблем, которые выходят за пределы философии, но при этом находятся в ее компетенции. Философия давала образцы формирования новых знаний и способствовала развитию теории познания, ее методологии. Хотя у герменевтики и у эпистемологии собственные задачи — обе дисциплины объединяет интерес к знанию. Эпистемология изучает процесс познания и описывает его. Герменевтика изучает концептуальное содержание текста, выясняет его смысл и определяет его значение как для науки, так и для самого познающего (интерпретатора). Таким образом, герменевтический подход уместен в том случае, когда мы имеем дело с интерпретацией и есть необходимость понять нечто, стоящее за текстом. Это дает надежду на перспективы самой герменевтики как дисциплины с самым широким диапазоном применения ее правил.

Историко-философский аспект рассмотрения показал, что в каком-то смысле сама философия удерживала герменевтическую направленность проблемы понимания в русле того значения, которое греки отдавали устному слову, тексту, знанию. Достоинством письменного текста является то, что своим содержанием текст преодолевает любую неоднозначность или двусмысленность, свойственную устной речи, поскольку в тексте яснее представлен дискурс. Даже метафора, которая служит для прояснения отдельной мысли, не искажает смысла текста, если он составлен по всем канонам: мысль выражена ясно, суждения касаются обсуждаемого вопроса, а выводы непротиворечивы.

Современная когнитивная герменевтика ориентируется на смысловой контекст интерпретируемого текста и утверждает, что трудности понимания часто связаны с понятийным расхождением, которое встречается в различных интерпретациях одного и того же текста или отдельного высказывания. Это делает актуальным сравнительный анализ различных концепций понимания и систематизацию оснований, по которым множественность характеристик понимания создает условие для целостной картины.

Так, польский философ Яцек Ядацкий отмечает, что Эдмунд Гуссерль выделял в качестве когнитивной способности человека интуитивное понимание [6, s. 62]. Однако оно не связано с поиском образов воображения, наглядно иллюстрирующих полноту понимания. Интуитивное понимание приходит тогда, когда предмет очевиден или когда индивид аподиктически видит сущность предмета. Переживание здесь не является необходимым условием понимания. Эмпирическое понимание соответствует уровню познания, когда индивид располагает полной наглядностью предмета, ощущением на уровне понимания структуры этого предмета и его связей. Например, когда мы не только понимаем смысл предмета, но и каузально знаем психическую обусловленность нашего знания этого предмета. Практическое понимание связано с пониманием конкретных действий людей и знанием психической обусловленности этих действий. Понимание другого на психическом уровне означает нашу способность «вчувствоваться» в другого, понять его ощущения и то, откуда эти ощущения. При этом мы включаем собственное толкование действий другого, учитываем особенности его психики, его мотивацию. Социально-гуманитарное понимание соответствует пониманию людей как членов конкретного сообщества. В этом случае слова, жесты и сложное поведение людей не являются исключительно предметом психологической их оценки, но рассматриваются как внешнее социальное поведение и поэтому требуют критической интерпретации. Критической интерпретацией в этом случае является понимание признаков, по которым мы судим о чужих эмоциональных состояниях — правильно догадываемся о них, наблюдая за ними, принимая их во внимание. Конечно, для правильной интерпретации различных внешних проявлений эмоционального состояния других людей требуется интуиция, или интуитивное понимание как способность, о которой говорил Гуссерль. Эта способность проявляется только вместе с гуманным, доброжелательным

отношением к личностям, поступки и слова которых мы интерпретируем. При этом мы не должны находиться с ними в конфронтации или в состоянии скрытого соперничества — правильное понимание (непредвзятая оценка) другого возможно, и оно приводит к взаимопониманию людей.

Подход к пониманию как проявлению когнитивных способностей человека не завершается перечнем типов понимания. Этот список будет пополняться по мере углубления в проблему, в связи с рассмотрением условий языкового и концептуального понимания смысла текста (философского, научного), что позволит показать, как соотносятся интенциональный акт познания и концептуальное понимание или как концептуальное понимание становится элементом научного знания либо уходит в обыденное знание. В ряду перспективных исследований находится герменевтика художественных образов, что раздвигает горизонты когнитивной герменевтики.

Литература

1. *Гераклит Эфесский*. Все наследие / на языках оригинала и в рус. пер.; крат. изд-е подгот. С. Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.
2. *Платон*. Менон // Платон. Соч.: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 575–612.
3. *Платон*. Федр // Платон. Соч.: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 135–191.
4. *Симпликей*. Комментарий к «Физике» / пер. А. В. Лебедева // Греческая философия / под ред. М. Канта-Спербер; греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. М., 2006. Т. 1. 499 с.
5. *Шульга Е. Н.* Когнитивная герменевтика. М.: ИФ РАН, 2002. 235 с.
6. *Jadacki J. J.* O rozumieniu. Z filozoficznych podstaw semiotyki. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1990. 196 s.

Literatura

1. *Geraklit E'fesskij*. Vse nasledie / na yazy'kax originala i v rus. per.; krat. izd-e podgot. S. N. Murav'ev. M.: Ad Marginem Press, 2012. 416 s.
2. *Platon*. Menon // Platon. Soch.: v 4 t. / pod obshh. red. A.F. Loseva. M.: My'sl', 1990. T. 1. S. 575–612.
3. *Platon*. Fedr // Platon. Soch.: v 4 t. / pod obshh. red. A. F. Loseva. M.: My'sl', 1993. T. 2. S. 135–191.
4. *Simplikej*. Kommentarij k «Fizike» / per. A. V. Lebedeva // Grecheskaya filosofiya / pod red. M. Kanto-Sperber; greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina. M., 2006. T. 1. 499 s.
5. *Shul'ga E. N.* Kognitivnaya germenevtika. M.: IF RAN, 2002. 235 s.
6. *Jadacki J. J.* O rozumieniu. Z filozoficznych podstaw semiotyki. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1990. 196 s.

E. N. Shulga

**Cognitive Hermeneutics:
Knowledge and Understanding**

Cognitive Hermeneutics is a new trend emerged within XXth century philosophy. It incorporates the problematics of classical hermeneutics, in the limelight of which are the methods of interpretation, and studies at the same time human cognitive abilities concerning the emergence of the phenomenon of understanding. Basing on the historical and philosophical data within the context of becoming of cognitive hermeneutics in the paper the relationship between knowledge, cognition and understanding is tracing. It is shown the way knowledge gains the philosophical meaning and categorical determination evolving from prescience and natural philosophy explanation of the world to an understanding of the nature and the specificity of the knowledge itself. The relationship between epistemology and hermeneutics is considered, the limits of cognitive hermeneutics are determined and its epistemological perspectives are outlined. Some classification of the types of understanding is proposed and brief characteristic of their role in cognition is given.

Keywords: hermeneutics; knowledge; understanding; cognition; interpretation.